

— Что ты сказал?

Цинь Хуань и Чжао Цинфэн вернулись в Двор Вэньхун незадолго до рассвета, планируя немного поспать, пока время еще раннее. Но едва они легли, не раздеваясь, как услышали поспешный стук в дверь от Дэ До. Впустив его, они узнали, что Цинь Цзюнь умер.

— Как это возможно...

Чжао Цинфэн нахмурился. Именно он подсыпал яд, и был уверен, что, несмотря на все усилия придворных лекарей, они лишь диагностируют безумие. Но яд должен был лишь довести до сумасшествия, а не убить.

Опасаясь, что Цинь Хуань снова подумает, что он действовал по своей инициативе, он поспешно объяснил:

— На этот раз это действительно не я. Этот яд по логике не должен был убить его.

Цинь Хуань на мгновение замер, затем тихо вздохнул и прислонился к Чжао Цинфэну:

— Я знаю, на этот раз это не ты.

— Тогда кто?

Чжао Цинфэн уже собирался спросить, но в тот же миг в его голове появился ответ.

— Это моя старшая сестра, — Цинь Хуань вспомнил прошлое и пробормотал, — все эти годы она тоже ненавидела...

На рассвете дверь Павильона Десяти Тысяч Будд была открыта ухоженной рукой.

Трехметровая золотая статуя Майтрейи по-прежнему лежала на своем месте, звуки деревянной рыбы эхом разносились по залу, но в храме сидел лишь один человек, обращенный к Будде, не говоря ни слова.

— Это ты сделала?

Императрица Хэ была одета в тот же пышный наряд, что и на вчерашнем банкете, но в ее глазах читалась усталость. Она закрыла дверь храма и шаг за шагом подошла к спине Лун Янь, не зная, смотрит ли она на нее или на золотую статую Будды.

— Да.

Неожиданно Лун Янь сразу призналась, и звуки деревянной рыбы внезапно прекратились.

— Почему?

Руки Императрицы Хэ дрожали. Она не выдержала и села перед Лун Янь.

— Почему ты так поступила? Все эти годы Цинь Юй спокойно сидел на троне, Цинь Аньпин благополучно вырос. Разве этого недостаточно, разве этого недостаточно? Почему ты все еще...

— Цинь Юй, Аньпин?

Лун Янь подняла глаза на Императрицу Хэ, на ее лице появилась насмешливая и печальная улыбка.

— А мой старший брат? Мой младший брат? И мой муж?

— Ты говоришь, что этого достаточно? Ты спрашиваешь, почему я так поступила?

— Нет, это не так, — Императрица Хэ протянула руку, чтобы схватить рукав Лун Янь, но ухватилась лишь за длинные четки, свисающие до пола. — Это не так. Когда ты умоляла меня сохранить жизнь Цинь Аньпину, ты обещала остаться в Павильоне Десяти Тысяч Будд...

— Да, я все еще здесь, — Лун Янь продолжала улыбаться, снова поклонившись перед золотой статуей Будды. — Я всегда выполняю свои обещания, в отличие от тебя, Императрица.

— Конечно, ты можешь рассказать обо всем этом своему отцу, Хэ Сяну. Если ты скажешь, я не стану отрицать.

Императрица Хэ покачала головой, на ее лице отражалась боль:

— Ты знаешь, я не скажу. Я не расскажу.

Лун Янь тоже покачала головой, глядя на ослепительную фениксовую шпильку в волосах Императрицы Хэ, и холодно сказала:

— Ты ошибаешься. Я не знаю. Ведь в прошлом ты первая предала меня.

«Ты первая предала меня, зная о заговоре и амбициях твоего отца, но все же выбрала подчиниться ему и вышла замуж за Цинь Юя, используя меня для совершения злодеяний».

— Я была вынуждена, вынуждена...

Императрица Хэ повторяла это снова и снова, но ее тело бессильно опустилось на пол, больше не в силах поддерживать тяжесть красного платья с вышитыми фениксами.

Лун Янь больше не слушала ее, безжалостно бросив четки, которые все еще держала Императрица, и без колебаний встала и покинула храм.

*

В те годы, когда они были еще юными, дочери чиновников отправлялись во дворец, чтобы сопровождать императорских дочерей, изучая книги и этикет. Тогда они были наивны и беззаботны, искренне обещая друг другу вечную дружбу. Но в конце концов, двадцать лет прошли, и они разошлись у подножия Будды.

*

В пятнадцатый год правления Шэн Хун, наследный принц Цзюнь скончался от болезни. Император носил траур в течение месяца, но не снимал его до конца, и отменил дворцовые собрания на семь дней в знак скорби.

Цинь Аньпин, как член императорской семьи, естественно, должен был присутствовать на похоронах наследного принца в Восточном дворце. Цинь Хуань думал, что он не является важной персоной, и ему достаточно будет просто посетить церемонию в первые несколько дней, но Министерство ритуалов, по указанию князя Цзи, сделало так, что все члены

императорской семьи должны были присутствовать на похоронах наследного принца, как сыновья и внуки, оплакивающие отца, с рассвета до полуночи.

Конечно, никто не боялся Министерства ритуалов, но все искренне боялись князя Цзи, и никто не осмеливался перечить ему в этот момент. Поэтому все «выполняли свои обязанности», как бы они ни ругались и ни негодовали в душе, внешне они выглядели скорбными и подавленными.

Цинь Хуань, конечно, не хотел тратить дни и ночи на оплакивание этого безумного наследного принца, но сейчас было не время для него выделяться, поэтому он сжал зубы и терпел несколько дней.

К счастью, члены императорской семьи, привыкшие к роскоши, не выдержали ноябрьских холодов, и через несколько дней многие из них заболели и больше не могли приходить.

Цинь Хуань заметил, что сегодня в зале было на три-четыре человека меньше, чем вчера, и подумал, что завтра он тоже может притвориться больным, и это не привлечет внимания.

Этот план был хорош, но он явно переоценил свои силы. Едва закончив церемонию, он вернулся в Двор Вэньхун, почувствовал сильную усталость и, не дождавшись возвращения Чжао Цинфэна, упал на кровать и крепко уснул.

Дэ До подумал, что его хозяин просто устал, и не стал его беспокоить, лишь немного убрал и вышел в соседнюю комнату.

Чжао Цинфэн в последние дни, чтобы не вызвать подозрений у князя Цзи, днем притворялся тяжело раненным и оставался в своем доме за пределами дворца, а ночью тайком пробирался во дворец. Сегодня он пришел рано и, услышав, что Цинь Хуань устал и спит, естественно, почувствовал боль. Но он боялся, что если тот не поест, на следующий день ему будет еще хуже, поэтому позвал Дэ До, чтобы тот приготовил немного еды, и планировал уговорить его поесть хоть немного.

Но едва он открыл полог кровати, как почувствовал что-то неладное. Цинь Хуань лежал, покрасневший, завернутый в шелковое одеяло, с холодным потом на лбу, его тело слегка дрожало.

Не нужно было говорить больше, у него был жар.

Чжао Цинфэн нахмурился, позвал Дэ До и велел ему вызвать врача и приготовить лекарство, началась суматоха.

Наконец, к полуночи Цинь Хуань смутно проснулся, чувствуя, что все его тело горит, а горло болит так, что хочется пить. Он хотел попросить воды, но почувствовал, что кто-то двигается рядом с ним, и не задумываясь, закрыл глаза и шлепнул его:

— Чжухуа, не шали... я хочу пить...

Чжао Цинфэн, услышав это, не знал, смеяться ли ему или плакать. Цинь Хуань из-за жара все время сбрасывал одеяло, и он пытался удержать его, чтобы тот не двигался, но не ожидал, что его отвергнут.

С сожалением покачав головой, он все же сел позади Цинь Хуаня, осторожно обнял его и поднял, чтобы поить теплой водой.

Выпив воды, Цинь Хуань стал немного бодрее, но все еще не понимал, что болен. Он оперся на Чжао Цинфэна, его глаза были мутными, и он выглядел так, будто вот-вот заснет.

Чжао Цинфэн, увидев это, собирался уложить его обратно в постель, но Цинь Хуань, находясь в полусне, сопротивлялся, как будто ему еще нужно было что-то сказать. Но когда он попытался говорить, его разум был настолько затуманен, что он никак не мог вспомнить.

Чжао Цинфэн подумал, что это может быть связано с планами относительно князя Цзи, и, не желая, чтобы он слишком много думал в болезненном состоянии, насильно уложил его спать.

Цинь Хуань сначала сопротивлялся, но он был слишком слаб, чтобы бороться с сонливостью, и вскоре снова погрузился в сон. Чжао Цинфэн немного успокоился, хотел встать, чтобы налить еще воды, но едва он поднялся, как человек на кровати схватил его за край одежды.

— Я вспомнил, — Цинь Хуань внезапно снова открыл глаза, его голос был хриплым, когда он спросил, держа Чжао Цинфэна. — Чжухуа, ты сегодня сменил повязку?

Ноги Чжао Цинфэна больше не могли двигаться. Он поставил чашку в сторону, снова сел на кровать Цинь Хуаня, осторожно уложил его руку под одеяло и наклонился, чтобы коснуться его все еще горячего лба:

— Не волнуйся, я уже сменил.

Написание сцены перед Буддой нужно было, чтобы объяснить, почему Цинь Аньпин, как последний отпрыск прямой линии, смог выжить. Покровительство Императрицы Хэ — это одно, но также и то, что Цинь Аньпин в те годы был слишком мал, и Хэ Уцин не считал его угрозой; об этом еще будет сказано в тексте. А насчет того, какие именно отношения связывают Императрицу Хэ и Лун Янь... каждый поймет по-своему~ (-^~)

<http://bllate.org/book/16488/1498170>